

Он с трудом пробирался сквозь толпу шаг за шагом, но те двое уже скрылись вдалеке. Непонятно, как им удалось улизнуть по такой забитой до отказа дороге. Скорее всего, Тан Сяоу прорубался с тем человеком сквозь гущу...

От одной мысли об этой сцене лицо Бай Иньфэна позеленело.

Если Тан Сяоу пустился в мужеложство, значит, у него больше не будет племянника? А он уже планировал, куда повести племянника играть!

Бай Иньфэн стоял на том самом месте, где ранее находился тот мужчина, оглядываясь по сторонам в надежде разглядеть в окружающей толпе фигуру Тан Сяоу. Затем, чтобы Тан Сяоу, как раньше, выпрыгнул из-за угла и сказал, что это всего лишь шутка.

Но куда ни посмотри — повсюду незнакомые лица, а кто-то сзади даже оттолкнул его в сторону:

— Ты идешь или нет? Не стои посреди дороги!

— Простите, простите! — Он прижался к краю, но не сдавался, оставаясь на месте в ожидании.

Надеялся, что он их неправильно понял, что этот брат Юнь — всего лишь новый друг Тан Сяоу, и это обычная ситуация, когда потерялись в толпе, и они скоро вернутся за ним. Поэтому лучше всего оставаться на месте и ждать.

Столица и впрямь столица: в такой лютой холод вышло так много народу, что его всюду толкали, и он весь взмок от пота.

Вдоль дороги и в небе то и дело кто-то запускал фейерверки. Яркие огни взрывались в небе, вызывая волны ликования.

В нашей династии разделение между мужчинами и женщинами не столь строгое, часто можно увидеть молодые парочки — и новобрачных супругов, и помолвленных юношей с девушками — идущих плечом к плечу, их маленькие ручки сцеплены внизу, прямо как тогда, когда Тан Сяоу держал за руку того мужчину неизвестного происхождения.

Неизвестно, сколько времени прошло. Фейерверки отгремели, фонарей поубавилось, толпа постепенно редела, а Бай Иньфэн всё ещё не дождался того друга, что забыл его ради красотишки.

Зато теперь проще: не надо готовить ночной перекус.

Изначально, в ночь фестиваля фонарей, Тан Сяоу спустился с горы погулять и, скорее всего, не успевал вернуться, поэтому должен был остановиться у него дома. Съел бы несколько юаньсяо, выпил бы немного вина, и, вероятно, спокойно уснул.

Но кто бы мог подумать, что Тан Сяоу сегодня ночью вообще не вернётся!

Бай Иньфэн был полон досады, но хорошо знал, что Тан Сяоу — упрямый осёл: если его толкать, он пойдёт задом. В детстве, когда приёмная мать из-за пустяка неправильно его поняла, он с ней поссорился и мог голодать семь дней, пока она не извинится. Если бы он тогда тайком не подкармливал его, суя сосновые конфеты, куриные ножки, паровые булочки с мясом, последствия были бы немыслимы.

Даже если бы приёмная мать воскресла, с этой ситуацией она бы не справилась. Боюсь, чем больше препятствовать, тем больше он будет упрямяться, может, даже сбежит с тем мужчиной из дома.

Хорошо, что тогда он не успел среагировать.

Бай Иньфэн втайне порадовался, размышляя, как завтра осторожно выведать у Тан Сяоу, кто этот княжеский отпрыск, а затем разузнать, какая у этого господина репутация.

А то ведь человек уже ушёл с ним домой, а он, как брат, знает только фамилию, даже имени не ведаёт — совсем никуда не годится.

Всю ночь он ворочался без сна, и только под утро, когда забрезжил рассвет, его одолела дремота.

На следующий день Тан Сяоу не вернулся, но он не мог поднимать шум и искать его, чтобы не показаться излишне паникёром. Раз уж ночью ушёл с тем человеком, то, может, и нормально, что на следующий день не вернулся?

Но прошёл и третий день, и четвёртый...

Бай Иньфэну стало не по себе, но он не придавал этому большого значения. Он часто приходил в Храм Саньшань к Тан Сяоу, разговаривал со многими даосами. Если бы Тан Сяоу пропал, даосы сами пришли бы к нему с расспросами. Раз никто не пришёл, значит, скорее всего, тот уже вернулся в Храм Саньшань.

Он отчаянно хотел увидеть Тан Сяоу, но боялся, что его отношение может вызвать у того недопонимание. Ему нужно было ещё несколько дней, чтобы смириться с этим фактом, лучше подождать, пока Тан Сяоу сам спустится с горы.

Так промелькнула целая неделя, а Тан Сяоу всё не спускался к нему.

Он не выдержал и побежал в Храм Саньшань наводить справки.

Даос по имени Гуянь сказал ему:

— Вы друг младшего брата Линъюнь-цзы? Он вернулся на следующий день после Праздника фонарей, простудился и до сих пор болеет, ещё не оправился...

— Я пойду навещу его!

Бай Иньфэн помчался, словно ветер, в задние горы, во двор Тан Сяоу.

В тревоге он постучал в дверь:

— А У! А У!

Не получив ответа, он запаниковал: неужели Тан Сяоу так сильно заболел, что впал в беспамятство?

Не раздумывая, он собрал силу в ладони и ударил по двери, сломав засов, и втолкнул её.

Он увидел, как Тан Сяоу, в белой нижней одежде, с распущенными волосами, обнимает свёрнутое одеяло, потихоньку елозя им туда-сюда, будто слегка дрожа...

Когда Бай Иньфэн ворвался внутрь, Тан Сяоу в замешательстве посмотрел в его сторону и постепенно прекратил свои телодвижения.

Сердце Бай Иньфэна ёкнуло, он бросился к нему и поддержал:

— А У, что с тобой?

Уголки глаз Тан Сяоу покраснели:

— А Фэн, почему ты только сейчас пришёл!

Увидев его в таком состоянии, Бай Иньфэн очень расстроился:

— Заболел? Как так серьёзно заболел и даже не попросил кого-нибудь передать мне весточку?

Тан Сяоу покачал головой и прижался к плечу Бай Иньфэна:

— А Фэн, он меня бросил, я оказался никому не нужен!

В Праздник фонарей он встретил Юнь Тао и был одновременно шокирован и обрадован.

Затем Юнь Тао привёл его в усадьбу. Та усадьба была огромной, они долго шли, петляя по извилистым дорожкам, пока не добрались до комнаты.

Обстановка в той комнате была невероятно роскошной, канделябры освещали помещение ярко, как днём, возможно, топилась кáн, и в комнате было очень тепло.

Юнь Тао сам снял одежду и дал знак, чтобы он сделал то же самое.

Он не ожидал, что радость достигнет его так быстро, словно во сне, и он неловко, суетливо сбросил одежду и обнял другого.

Он думал, что с Юнем они не дойдут до этого шага, поэтому не изучал толком, как быть нежным и ласковым, а просто инстинктивно потянулся за поцелуем.

Но когда он коснулся губ, Юнь Тао отстранился.

Он немного заколебался, но продолжил другие действия.

Ему казалось, он был достаточно нежен и внимателен, практически на каждом шагу учитывал чувства партнёра, но Юнь Тао не согласился на второй раз.

Он ненадолго задремал, полагая, что проснётся вместе с Юнь Тао, но, очнувшись, обнаружил, что ещё не рассвело, а Юнь Тао уже ушёл!

Теперь, оглядываясь назад, хотя он и был инициатором, но по сравнению с его неопытностью, Юнь Тао казался удивительно раскованным.

Он вспомнил, как шёл за Юнь Тао по той усадьбе и спросил:

— Брат Юнь, почему ты столько дней не приходил повидаться со мной?

В голосе Юнь Тао, казалось, звучала усмешка:

— На Новый год всегда нужно быть с семьёй, разве не так?

Тан Сяоу обиженно ответил «да», чувствуя, что в его словах есть доля правды: они ведь ещё не определились, Юнь Тао и вправду не мог представить его своей семье, к тому же это запретная любовь, в такой семье, как у Юнь Тао, наверняка трудно с этим справиться.

Но сразу после близости Юнь Тао просто ушёл. Тан Сяоу от природы был проницательным, и после их соития всё больше ощущал, что Юнь Тао, кажется, не открыл ему своего сердца, всё оказалось не так, как он изначально думал, и в нём зародилась тень неудовлетворённости.

Тот мимолётный поцелуй до сих пор стоял у него поперёк горла. Он тоже видел, как бывают страстны мужчины и женщины, когда сливаются воедино, — это определённо не выглядело как такое хладнокровное, безэмоциональное отстранение.

То, как Юнь Тао на самом деле относился к их отношениям, казалось, говорило само за себя.

Он сомневался, не был ли это его односторонний порыв. Внезапный уход Юнь Тао и семь дней без вестей заставили его глубоко сожалеть.

С его-то особой конституцией, зачем же было так легко лишаться изначального ян?

* * *

В то утро, проснувшись, Тан Сяоу обнаружил, что та усадьба много лет назад была конфискована у одного из княжеских родов. После ухода Юнь Тао не появилось ни служанок, ни слуг; огромная усадьба была пугающе безлюдной.

Он в одиночестве покинул усадьбу и в растерянности вернулся в свой дом в Храме Саньшань.

Все эти дни он ждал, что Юнь Тао придёт и даст ему объяснения, но тот так и не появился.

Он видел много снов, в которых гнался за Юнь Тао, а тот всегда сохранял безмятежно-спокойное выражение лица, не приближаясь и не удаляясь, то далеко, то близко. Каждый сон заканчивался одинаково: Юнь Тао мягко смеясь поворачивался и уходил.

Просыпаясь, он обнаруживал, что нижняя часть тела твёрда, как железо, и никак не могла смягчиться.

Бай Иньфэн потрогал его лоб, полный беспокойства:

— Не похоже на проникновение холода в организм, почему же так серьёзно? Может, отравление?

<http://bllate.org/book/15610/1393558>